

Григорий СТАРИКОВСКИЙ

Григорий Стариковский родился (1971) и вырос в Москве. В США с 1992 года. Закончил Колумбийский университет (кафедра классической филологии). Переводил «Одиссею», Пиндара, Вергилия, Проперция, Авла Персия. Сборники стихов «Левиты и певцы» (2013) и «Автономный источник» (2017). Живет в пригороде Нью-Йорка. Преподает латынь и мифологию. В «Волге» публиковались стихи (2014, 2016, 2017) и повести (в том числе под псевдонимом Герман Бер: 2015, 2016). Предыдущая публикация в «Волге» – повесть «Родео» (2019, № 1-2).

ЗИМНИЕ СТИХИ

1

на себя посмотришь – чужой,
а такой был мой, золотой,
как тебя теперь не узнать,
ничего в тебе не понять.

ты, невольный, тихий двойник,
ни одной звезды не достиг,
разве только нескольких слов
на земле, где сумрак лилов.

занавески плещется лен,
ты в зеркальный смотришься плен,
как из клетки смотрит зверье
на другое время свое.

2

ловец шагов, глодатель холодов,
обозреватель кровель, ключев дыма,
автомобилей, льющих ближний свет
по дождевым обочинам, по стенам,
асфальт, асфальт, ты мой шербатый брат,

я тоже в трещинах лежу и вижу
кривую шляпу мусорного бака,
сутулое, как над пустым столом,
склонившееся небо, и ржаной
февральский воздух, хоть ножом отрежь
или культей фонарной.

3

Валерию Черешне

где парус, наклонясь, прилип
к ладоням ветра, бьет в гранит
волна, морозный свет болит.

скамейка с видом на восток,
паром дает сухой свисток,
сизарь летит наискосок.

залив вскипает, ты замри
морской фигурой, посмотри,
как замерзают сизари.

и в башни, в их кирпичный рост,
врывается, раззявив рот,
картонным ангелом норд-ост.

пусть он подышит над тобой,
а то ты думал, что живой,
а то ты верил, что спасен,
к слепому свету приобщен.

4

голос птицы, порхнувшей насквозь,
легкие звенья, пытливые линзы льда,
шепот подошв, всходит *на* гору ржавчина
одноколейки. лестница, только держись,

злая собака летит по ступеням,
отпрянуть, взобраться на ближний валун,
человек – это то, что не рвется,
пока не порвется совсем. хорошо

и неветренно здесь, подвывает весна,
и на рыхлом снегу, шелудивая, пустит
слюну, и качается солнце, как вальс №2,
до слезы пробивая тебя, до слезы.

5

творожная сбивчивость зимнего света,
можно черпать ладонями, пересыпав
солью проезжей части, метеослужба

обещает снег и черный лед на завтра.

или другое: день — эластичный бинт,
затянуть себя тщательно в кокон
предчувствия серого грязного снега
на тротуарах, на школьной парковке.

свет летит перевязочным средством,
чувствуешь, надломилось что-то,
лопнуло что ли внутри, больнее ходить
и дышать, и высматривать завтрашний снег.

6

как туман туману видится, —
белой тенью, лошадиной мордой,
шерстяною вещью на снегу?

ветошь смотрит ветоши в лицо,
в скулы лодок перевернутых,
в выпуклость облезлых днищ.

мы идем сквозь персть молочную,
трогаем губами вещество
общего дыхания, скажи мне,

как тебя теперь зовут, родная,
невидимка, стертая как будто
тряпкой плюсовых температур?

Мотель

ночь обещает быть с нами долго,
она рождается из наших ладоней,
смотрится в мутное зеркало
над умывальником, шампунем, бритвой,

растекается бледной подсветкой —
от окна и кремовой занавески,
прикрывшей вид на склизкие фуры,
их тяжелые тени... ты лежала на одеяле

и перелистывала книгу, которую
держат в выдвижном ящике, и говорила,
а я отвернулся к зеркалу и смотрел,

на твоих губах слова ничего не весили,

голые, как будто раздвинулось море,
и вместо вязкого дна открылся воздух,
отдающий хлоркой, и жужжала муха
над половинами яблока на тарелке.

что-нибудь легкое в руки возьми, —
тополиного пуха наперсток, родительский
снимок, твоё в нем присутствие, — свитер
с танцующим львом на эмблеме,
мальчик, сидящий в детской пожарной машине,
они — по обоим краям, юные, мягкие лица
в полуулыбке, приветливый взгляд на двоих.
если бывает согласие, видимо, это — оно.
мальчик, две черные лампочки глаз,
весело смотрит вперед, в объективе
плещется жизнь мотыльком или жалость
ко всему, чем зовешься ты, маленький,
солнечный мой, где тебя носит теперь?

перистая тишина,
наволочки с лодками, запах лекарств,
взгляд, который она отводит,
чтобы не видеть меня, —
я принес апельсинов, минеральной воды,
говорю дежурное «погода сегодня...»,
«магазины закрыты по случаю праздника»,
посматриваю на циферблат,
когда, наконец, можно будет
наклониться, поцеловать ее в щеку,
сказать «до свидания»,
выскользнуть из палаты,
спуститься на лифте,
выйти к заливу,
присесть на скамейку,
закрыть глаза.

читаю книгу, точно глотаю гвозди:
жена — завлабратории, муж — историк,
дочь в старших классах, свекровь —
принципиальное, вредное существо,
читаю, испытывая сильнейшее
отвращение, — я не ловец времени.

он умирает от приступа, ей снится —
здесь автор особенно беспощаден, —
они ищут автобусную остановку,
кто-то ведет их сквозь лес,
и приводит к болоту, и говорит, —
вот она, ваша остановка.

мне тоже разное снится: женщина —
будто я не был свидетелем этому —
приходит с ночного дежурства,
накрывается пледом, читает
об этих двоих, идущих по лесу
осеннему, пахнущему грибами,
туда, где брезжит другая жизнь.

сначала не было никого,
потом появилась машина, двое
вылезли на гравий, немолодые, вытащили рюкзаки-
однодневки, зафиксировали походные палки.

он высок, взгляд его — в никуда,
как лесной воздух провалами сквозь деревья.
если спросить, — человек, как тебя зовут?
он не сумеет ответить внятно.

она приземиста, в лыжной шапочке с луной и солнцем,
в синей ветровке с капюшоном на две головы;
пока он согревается, отпивает чай или кофе
из пластмассового стаканчика, она ждет и смотрит

на забранное льдистой корочкой озеро,
на склоны, где ветер трет свою спину кабанью
о камни, коросту коры; на игольчатый свет,
шевелившийся снова под сердцем.

на улицу, как в зеркало, смотреть,
по улице, как в зеркале, ходить,
по щиколотку в сжиженной фольге,
с веселою болячкой на губе,
высматривать непрожитую здесь,
обглаживать придуманную врозь:
здесь мог быть дом, а это мог быть дым
над кровлею, на ветре ледяном,
но ничего вокруг не находить,
что тлеть могло или хотя бы стыть,
одна живая вдоль дощатых стен
отброшенная криво тень,
а чья она, не надо говорить,
а чья она, не надо горевать,
такие весны здесь, – не проворонь,
по две звенящих – на одну ладонь.